

Моск. новости. - 1995. - 9-16 июля. - С. 24.

В Тарханы за любовью

ПРАЗДНИК

Горестные декламации о гибели культуры, раздающиеся с постоянством прежних воплей о новых достижениях, способны поколебать в здравом рассудке даже очень устойчивого человека. Возможность свободно купить любую книгу, увидеть любой спектакль и фильм, небытие цензуры, видимо, включаются в приметы этой ужасной гибели.

Но вот получаешь приглашение на XXIV ежегодный Лермонтовский праздник, садишься в чистейший (машина времени, ей-Богу!) поезд Москва – Пенза – и мозги понемногу возвращаются на отведенное им природой место. Все, как было заведено в нашей литературо-центристской жизни с незапамятных времен. Писательскую общественность встречают отцы города и области. «Теперь перекусим, товарищи...» Городская общественность встречает праздник, разглядывая писательскую. В огромный зал набивается народу под завязку, и хмурый поручик с портрета недоверчиво смотрит на земляков, слушая старательно-умные речи коллег.

Подается автобус – надо перекусить, товарищи... В храме поет хор, в часовне над лермонтовским склепом жужжит шмель... Впрочем, это, как писалось когда-то, приметы нового: и молебен, и слуги народа с вполне бес-

партийными и приятными лицами, шпарящие из виновника торжества наизусть без напряжения, и, уж конечно, состав гостей – нашего брата.

Всегда в музеях работали фанатически бескорыстные женщины – они и сейчас здесь работают. Всегда на литературных торжествах появлялись странные люди, доверительно общающиеся желающим и нежелающим своим версии жизни и творчества гения – их и сейчас полно. Всегда на деревянных скамьях и откосах оврага, пышно называемого зеленым театром, собирались сотни (бывало и тысячи) народу – и сейчас сидели люди на траве, бегали озабоченные собаки, тихо визжали дети... Правда, наметился положительный

сдвиг в области погоды: вместо обязательного прежде дождя светило нежаркое солнце...

И над усадьбой Арсеньевых, над большим старым селом Тарханы, над всеми собравшимися, говорящими и слушающими, мелькнула тень той самой тучки золотой: в воздухе, разносимая легким, но непрекращающимся ветром, плыла та самая культура, о гибели которой... Все вместе мы любили и поэта, и друг друга, и место, в котором угораздило, и время, в которое влетели... Михайло Юрьевич писал так: «...если бы все меня любили, я в себе нашел бы бесконечные источники любви». Эти два дня были наполнены любовью – и какой вам еще надобно культуры?

Александр КАБАКОВ